
Дамиан Логр
ЗА ГРАНЬЮ ВОЗМОЖНОГО
ТИХАЯ КОРОНА
КНИГА ТРЕТЬЯ
ЭПИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Дамиан Логр
Тихая корона

https://litres.ru/74914947
SelfPub; 2026

Аннотация

«Тихая Корона» — заключительная книга цикла «За гранью возможного». История о свободе, памяти, цене выбора и о том, что даже самая светлая мечта может стать тюрьмой, если человеку не оставляют права сказать «нет».

Дамиан Логр
Тихая корона

ДАМИАН ЛОГР
ЗА ГРАНЬЮ ВОЗМОЖНОГО
ТИХАЯ КОРОНА
КНИГА ТРЕТЬЯ
ЭПИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ
СОДЕРЖАНИЕ
ПРОЛОГ. ГОРОД, КОТОРЫЙ ЖДЁТ
ЧАСТЬ I. ВРАТА ТИХОЙ КОРОНЫ
ГЛАВА 1. СПУСК В ДОЛИНУ
ГЛАВА 2. У ВОРОТ
ГЛАВА 3. ЧЕЛОВЕК В СЕРОМ ПЛАЩЕ
ГЛАВА 4. ГОРОД, КОТОРЫЙ ЖДЁТ
ГЛАВА 5. ПЕРВОЕ ПРАВИЛО
ГЛАВА 6. ГОСТИ ЕДИНОГО ПУТИ
ГЛАВА 7. ДОМ, КОТОРЫЙ НЕ СПРАШИВАЕТ
ГЛАВА 8. ЖЕНЩИНА СО ШРАМОМ
ГЛАВА 9. ДЕВЯТЬ ДОРОГ
ГЛАВА 10. СЕРЕБРЯНАЯ ЛИНИЯ
ГЛАВА 11. ПЛАСТИНА СИВЫ
ГЛАВА 12. НОЧЬ В ЧУЖОМ ПОРЯДКЕ
ЧАСТЬ II. СВОБОДА БЕЗ ОПОРЫ
ГЛАВА 13. ПРИГЛАШЕНИЕ АСТОРА

ГЛАВА 14. ДЕРЕВНЯ БЕЗ КРИСТАЛЛА
ГЛАВА 15. ДЕВОЧКА С ДВУМЯ ЛИНИЯМИ
ГЛАВА 16. КОСТЁР НА ПЛОЩАДИ
ГЛАВА 17. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОСИТ ВЕРНУТЬ ЗАКОН
ГЛАВА 18. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИСАРЯ
ГЛАВА 19. ХЛЕБ И ОЧЕРЕДЬ
ГЛАВА 20. ТРИ СЛОВА О ВЫБОРЕ
ГЛАВА 21. СТАРОСТА И СПИСОК
ГЛАВА 22. ОТВЕТ КАЭЛЯ
ГЛАВА 23. АСТОР ОТВЕЧАЕТ
ГЛАВА 24. ЛЮДИ С ПУСТОЙ ЛАДОНЬЮ
ГЛАВА 25. МАЛЕНЬКАЯ ШКОЛА
ГЛАВА 26. ПИСЬМА С ЗАПАДА
ЧАСТЬ III. ВОСЬМАЯ ПЛАСТИНА
ГЛАВА 27. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КОРОНУ
ГЛАВА 28. ЗАЛ СВИДЕТЕЛЬСТВ
ГЛАВА 29. ИМЯ БЕЗ ПОДПИСИ
ГЛАВА 30. СЛЕД АСТОРА
ГЛАВА 31. АЛЬМА
ГЛАВА 32. РАЗГОВОР У КОЛОДЦА
ГЛАВА 33. ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПОДМЕНЫ
ГЛАВА 34. ЧЬЯ ПЛАСТИНА
ГЛАВА 35. ТО, ЧЕГО ОН НЕ ЗНАЕТ
ГЛАВА 36. КНИГА АЛЬМЫ
ГЛАВА 37. ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЗАЛЕ

ГЛАВА 38. НОЧЬ ЛИАР
ГЛАВА 39. УСЛОВИЕ СИСТЕМЫ
ЧАСТЬ IV. ГОЛОСА С ЗАПАДА
ГЛАВА 40. КАЙР БЕЗ КРИСТАЛЛА
ГЛАВА 41. ВЕСНА В КАЙРЕ
ГЛАВА 42. СУД НАД МАЛЬВЕЕЙ
ГЛАВА 43. СЕВРАН У ВЕРСТАКА
ГЛАВА 44. БРАН УЧИТ НИЛА
ГЛАВА 45. ЭСТЕРА И КЛЮЧИ
ГЛАВА 46. МИРА И ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЁН
ГЛАВА 47. ВЕНН И УЗЕЛ В ШАХТЕ
ГЛАВА 48. СОРЕН ПИШЕТ СВОЁ ИМЯ
ГЛАВА 49. ЭРЕН И РЕНА
ГЛАВА 50. НЕРИС ПУБЛИКУЕТ
ГЛАВА 51. СОН СОРЕНА
ГЛАВА 52. ДОРОГА ПИСЕМ
ГЛАВА 53. ПИСЬМО КАЭЛЮ
ЧАСТЬ V. ИСКУШЕНИЕ
ГЛАВА 54. ПРИГЛАШЕНИЕ В ВЕРХНИЙ ЗАЛ
ГЛАВА 55. ЗАЛ, ГДЕ ГОВОРЯТ МЁРТВЫЕ
ГЛАВА 56. ГАРЕН У ДВЕРИ
ГЛАВА 57. ТОРЕН У ВОРОТ
ГЛАВА 58. ЦЕНА ОДНОГО СЛОВА
ГЛАВА 59. ОТКАЗ
ГЛАВА 60. ВТОРАЯ ПЛАСТИНА
ГЛАВА 61. ИСПЫТАНИЕ ЛИАР

ГЛАВА 62. ОСКОЛОК ТЁПЛЫЙ
ГЛАВА 63. СОН КАЭЛЯ
ГЛАВА 64. ПОСЛЕ ИСКУШЕНИЯ
ГЛАВА 65. АСТОР НЕ СЕРДИТСЯ
ЧАСТЬ VI. ПЕРВЫЙ ОТКАЗ
ГЛАВА 66. СЕДЬМОЙ ПРОХОД
ГЛАВА 67. ГОЛОСА В СТЕНАХ
ГЛАВА 68. ГОЛОС ИЗ СТЕНЫ
ГЛАВА 69. СТАРИК
ГЛАВА 70. ИМЯ, КОТОРОЕ НЕЛЬЗЯ НАЗЫВАТЬ
ГЛАВА 71. ПЛОШКА СТАРИКА
ГЛАВА 72. ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТКАЗОВ
ГЛАВА 73. СИВА ВОЗВРАЩАЕТСЯ
ГЛАВА 74. ПЛАСТИНА СТАРИКА
ГЛАВА 75. ДВОЕ У СТЕНЫ
ГЛАВА 76. ДВЕРЬ, КОТОРУЮ НЕ ОТКРЫВАЮТ
ГЛАВА 77. НОЧНОЙ РАЗГОВОР
ГЛАВА 78. ЧТО ДЕЛАЕТ ОТКАЗ СИЛЬНЫМ
ЧАСТЬ VII. ДЕВЯТЬ ДОРОГ
ГЛАВА 79. ДЕВЯТЬ НАПРАВЛЕНИЙ
ГЛАВА 80. ДОРОГА ПАМЯТИ
ГЛАВА 81. ДОРОГА РЕМЕСЛА
ГЛАВА 82. ДОРОГА ИСЦЕЛЕНИЯ
ГЛАВА 83. ДОРОГА НАБЛЮДЕНИЯ
ГЛАВА 84. ДОРОГА ЗАЩИТЫ
ГЛАВА 85. ДОРОГА ДВИЖЕНИЯ

ГЛАВА 86. ДОРОГА ОБУЧЕНИЯ
ГЛАВА 87. УЧЕНИКИ МАРЛЫ
ГЛАВА 88. ДОРОГА СВИДЕТЕЛЬСТВА
ГЛАВА 89. НОЧЬ ДОРОГ
ГЛАВА 90. ЛЮДИ В СЕРОМ
ГЛАВА 91. ПУСТАЯ ДОРОГА
ЧАСТЬ VIII. СОБИРАНИЕ
ГЛАВА 92. АСТОР СОБИРАЕТ
ГЛАВА 93. ПРИКАЗ АСТОРА
ГЛАВА 94. ВАРДЕН ПРИХОДИТ
ГЛАВА 95. ПОКАЗАНИЯ
ГЛАВА 96. СПОР В НИЖНЕМ ЗАЛЕ
ГЛАВА 97. ГОСТИ С ЗАПАДА
ГЛАВА 98. ДЕВЯТЫЙ УЗЕЛ
ГЛАВА 99. ДОРОГА, КОТОРАЯ ДРОЖИТ
ГЛАВА 100. ОБРАТНАЯ СТОРОНА
ГЛАВА 101. НОЧЬ ПЕРЕД
ГЛАВА 102. КАРТА ТАРЕНА
ГЛАВА 103. УСЛОВИЕ СИСТЕМЫ
ГЛАВА 104. РЕШЕНИЕ КАЭЛЯ
ЧАСТЬ IX. ПУСТОЕ МЕСТО
ГЛАВА 105. УТРО
ГЛАВА 106. ВОСЕМЬ ДОРОГ
ГЛАВА 107. ПЕЧАТЬ АСТОРА
ГЛАВА 108. ВСТРЕЧА В ЦЕНТРЕ
ГЛАВА 109. ТО, ЧТО ПРЕДЛОЖИТ АСТОР

ГЛАВА 110. ГОЛОСА ТОЛПЫ
ГЛАВА 111. ОТКАЗ ОТ СИСТЕМЫ
ГЛАВА 112. ПУСТОЕ МЕСТО
ГЛАВА 113. СЕСТРА
ГЛАВА 114. ПРАВДА О СЕМЬЕ
ГЛАВА 115. РАЗРЫВ
ГЛАВА 116. ПОСЛЕДНЯЯ НИТЬ
ГЛАВА 117. ДЕВЯТЫЙ УДАР
ГЛАВА 118. КРУГ СВЕТА
ЧАСТЬ X. ПОСЛЕ
ГЛАВА 119. НОЧЬ ПОСЛЕ
ГЛАВА 120. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПО ОДНОМУ
ГЛАВА 121. ПЕРВЫЙ ПРАЗДНИК
ГЛАВА 122. ТЕ, КТО ОСТАЁТСЯ
ГЛАВА 123. ОЧЕРЕДЬ У ВОРОТ
ГЛАВА 124. СИВА И КАРТА
ГЛАВА 125. ГОРОД УЧИТСЯ
ГЛАВА 126. ВАРДЕН ПОД СТРАЖЕЙ
ГЛАВА 127. СЕВРАН
ГЛАВА 128. МАЛЬВЕЯ
ГЛАВА 129. КРИСТАЛЛ, КОТОРЫЙ ТРЕСНУЛ
ГЛАВА 130. ПРОЩАНИЕ У ВОРОТ
ГЛАВА 131. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОЧАГ
ГЛАВА 132. ВЕСНА В ОЧАГЕ
ГЛАВА 133. БРАН ПОМНИТ
ГЛАВА 134. МИРА

ЧАСТЬ XI. ДОРОГА, КОТОРАЯ ОСТАЛАСЬ
ГЛАВА 135. ЭЙРА
ГЛАВА 136. ЛИАР ОСТАЁТСЯ
ГЛАВА 137. ДОМ БЕЗ ИМЁН
ГЛАВА 138. ПОСЛЕДНИЙ ОТКАЗ
ГЛАВА 139. ДОРОГА ДОМОЙ
ГЛАВА 140. ВЕРЕСК
ГЛАВА 141. ЛОДКА НИЛА
ГЛАВА 142. ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ
ГЛАВА 143. ПИСЬМО ОТЦУ
ГЛАВА 144. ДОРОГА С ЗАПАДА
ГЛАВА 145. ТРИ ПИСЬМА НА ВОСТОК
ГЛАВА 146. ЛЕСТНИЦА ИЗНУТРИ
ГЛАВА 147. ГОЛОС, КОТОРЫЙ ОСТАЛСЯ
ЭПИЛОГ. ДРУГОЙ БЕРЕГ

ПРОЛОГ. ГОРОД, КОТОРЫЙ ЖДЁТ

В верхнем зале Тихой Короны было тихо, и в этой тишине Астор слышал, как внизу, у ворот, дышит город — ровно, на один лад, будто один большой человек, разучившийся задыхаться.

Он стоял у окна из тёмного стекла и смотрел, как по восточной дороге, между двумя каменными грядами, спускаются двое. Мужчина и женщина. Их имена он знал раньше, чем увидел лица: Каэль, сын Гарена, и Лиар, архивистка, которая слишком хорошо помнила, чтобы легко лгать.

— Они вошли во внешний проход, — сказал человек у

двери.

— Я знаю.

— Он восстановил семь записей согласия. В поселениях уже отзывают постоянные печати.

— Это неважно.

Докладчик не спросил, почему неважно. За три года службы он научился не задавать вопросов, на которые его господин уже ответил себе сам.

— Пусть войдут, — сказал Астор. — Пусть увидят, что здесь никто не пропадает.

— Если они помешают сбору…

— Не помешают.

Астор коснулся пластины на столе. Из девяти линий светились две: голубая, ровная, и красная, дрожащая, как нить над огнём. Между ними оставалось пустое место. То самое, которое он собирался закрыть первым.

— Ты думаешь, что открываешь двери, — произнёс он, не отрывая взгляда от двух фигур на склоне. — На самом деле ты выпускаешь наружу то, что мир слишком долго удерживал. Люди не выдерживают открытых дверей. Они боятся их сильнее, чем запертых. Они приходят ко мне сами, как приходили все, кто хоть раз узнал, что значит выбирать и ошибаться.

Он надел на палец кольцо с незамкнутой окружностью.

— Ты увидишь, сын Гарена. Сначала — что бывает с теми, кто получил свободу без опоры. Потом — что бывает с теми,

у кого опора есть.

[Система: неактивна.]

[Личный контур: завершён.]

[Цель: восстановить Единый Путь.]

Астор погасил свет. В темноте осталась красная линия — от его окна до самой долины, где двое путников остановились перед первым огнём чужого города.

— Приведите их, когда они постучат, — сказал он в темноту. — Они постучат.

ЧАСТЬ I. ВРАТА ТИХОЙ КОРОНЫ

ГЛАВА 1. СПУСК В ДОЛИНУ

Тропа спускалась к долине серпантином, и с каждым поворотом Каэль видел всё больше: ровные ряды людей на дороге, одинаковые пластины в их руках, а за ними — тёмную громаду города, круглого, как венец, уроненный в траву.

Ветра в долине не было. Пахло пылью, холодным камнем и чем-то сладковатым, как мёд, забытый в закрытом доме.

— Они не разговаривают, — заметила Лиар, глядя вниз. — И не смотрят по сторонам.

— Они идут, — ответил Каэль. — Этого достаточно, чтобы понять, куда мы попали.

Ряды двигались медленно, в одном ритме, как вода в узком канале. Никто не толкался, никто не отставал, никто не оглядывался на дверь, через которую вошёл в долину. У каждых городских ворот, сколько Каэль видел их за эти недели, стояла суета: повозки, охрана, нищие, торговцы. Здесь не

было ничего этого. Только шаги.

— Раньше я думал, что страх — это крик, — сказал он. — Оказалось, страх может быть тишиной.

Лиар поправила ремень сумки.

— Тишина, в которой не осталось места для вопроса, — не страх. Это что-то другое.

— Что?

— Порядок, который перестал притворяться выбором.

На полпути к подножию их догнал мальчик из хвоста колонны. Он шёл босиком, и в руке у него была не пластина, а пустой глиняный горшочек. Мальчик остановился, посмотрел на Каэля снизу вверх и спросил без всякого страха:

— Вы зачем сюда идёте?

— Посмотреть, — ответил Каэль.

— Сюда никто не приходит смотреть. Сюда приходят, когда уже некуда больше.

Каэль хотел ответить, что это неправда, но не стал. Мальчик говорил о своём, и его правда была не хуже каэлевой.

— А ты куда идёшь? — спросила Лиар.

— В город. Там дают работу и паёк. Говорят, что больше не придётся бояться.

— Бояться чего?

— Что не получится. Что будешь лишним. Что решишь не то.

Мальчик переложил горшочек из руки в руку и побежал догонять колонну. Каэль смотрел ему вслед, пока маленькая

фигура не растворилась среди одинаковых спин.

[Второй носитель обнаружен.]

[Контакт возможен.]

[Условие: сохранить собственный выбор.]

Он не стал закрывать сообщение. Оно висело на краю зрения, как напоминание, пока они спускались к воротам, над которыми горела надпись: «Единый Путь избавит от потери».

— Готова? — спросил Каэль.

— Нет, — ответила Лиар. — Но я иду.

Он улыбнулся. Это был лучший ответ, который можно было услышать в этом месте.

ГЛАВА 2. У ВОРОТ

Вблизи ворота оказались ниже, чем казались с гребня. Их створки были сложены из тёмного камня без единого украшения, а над аркой висел незамкнутый круг, выкованный из светлого металла. Днём он не светился, но от него веяло теплом, как от печи за стеной.

У ворот стояли двое. Не стража, не чиновники — просто два человека в серых плащах, которые смотрели на путников так, будто давно ждали именно их.

— Вы пришли до срока, — сказал первый. Голос у него был ровный, без удивления.

— Мы не знали, что есть срок, — ответил Каэль.

— Срок есть у всего, что входит в город. Вам его не назначали. Значит, вы пришли сами.

Второй человек в сером шагнул в сторону, освобождая проход. Из-за ворот тянуло всё тем же сладковатым запахом, только сильнее.

— Хранитель Единого Направления ждёт вас у Второго Круга, — сказал первый. — Идите прямо, не сворачивайте. Те, кто сворачивает в первый день, долго ищут дорогу обратно.

— Обратно — это сюда? — спросила Лиар.

— Обратно — это к себе, — ответил человек. — Многие забывают, с какой стороны вошли.

Они миновали арку. Камень над головой на мгновение придавил тишиной, как вода придавливает уши на глубине, а потом город раскрылся перед ними — и Каэль остановился.

Улица была широкая, мощёная тёмным камнем, и уходила к далёкой круглой площади. По обе стороны стояли дома без вывесок и без окон на нижних этажах. Люди шли по улице так же, как на дороге: ровно, молча, каждый в своём ряду. Никто не торговал, никто не окликал, никто не сидел на ступенях. Даже дети, которых Каэль заметил у переулка, не бегали — они стояли у стены и перебирали пальцами одинаковые светлые пластины.

— Смотри под ноги, — тихо сказала Лиар.

На мостовой, под ногами, тянулась тонкая серебряная линия. Она шла вдоль всей улицы, не прерываясь, и пульсировала едва заметно, как жилка на виске.

— Это путь, — сказала Лиар. — Дорога, которую не нуж-

но выбирать, потому что она уже выбрана.

Каэль перешагнул линию и пошёл вперёд. Где-то наверху, за крышами, висел неподвижный круг света, и ему казалось, что круг смотрит на него, как смотрит человек, который ждал очень долго и успел научиться терпению.

Они шли, и город не мешал им идти — и это было самое тревожное. В любом другом месте чужаков встречали взглядами, вопросами, собаками, наконец. Здесь же никто не повернул головы, будто их приход был записан в распорядке дня заранее, отдельной строкой, о которой не нужно напоминать.

— Они знали, что мы придём, — сказала Лиар, понизив голос.

— Все города знают, что кто-то придёт, — ответил Каэль. — Просто этот не делает вид, что удивлён.

ГЛАВА 3. ЧЕЛОВЕК В СЕРОМ ПЛАЩЕ

У Второго Круга — каменной площадки с низким парапетом — стоял молодой человек в сером плаще. Вблизи он выглядел старше, чем на расстоянии: у глаз легли тонкие морщины, а руки, спокойно сложенные на парапете, были руками человека, который много лет не держал ничего тяжёлого.

— Ты дошёл быстрее, чем я рассчитывал, — сказал он, не здороваясь.

— Ты ждал меня, — ответил Каэль.

— Я ждал того, кто откроет Корень. Ты сделал то, чего Палата не смогла за пятьдесят лет.

— Я сделал это не ради тебя.

Астор слегка улыбнулся — вежливо, без тепла.

— Конечно. Ты сделал это ради друзей. Ради погибших. Ради тех, кого удерживали. Я понимаю. Я тоже когда-то хотел спасти близких.

Каэль почувствовал, как на груди, под рубашкой, потеплел осколок. Не обжёг — лишь напомнил о себе, как напоминает о себе чужая ладонь, положенная на плечо.

— Ты звал меня, чтобы говорить о прошлом? — спросил он.

— Я звал тебя, чтобы ты увидел настоящее. Прошлое я покажу позже, если захочешь.

Астор отступил от парапета и указал на город, раскинувшийся тремя кольцами вокруг площади.

— Здесь никто не остаётся один. Никто не пропадает без имени, никто не теряет близких из-за чужой ошибки. Каждый делает то, что умеет, и получает то, что нужно. Разве это не то, чего ты добивался в Кайре?

— В Кайре я добивался, чтобы люди могли выбирать.

— Выбирать между чем? Между голодом и страхом? Между потерей и виной? Я видел, что бывает с выбором без опоры. Ты ещё увидишь.

Лиар, до сих пор молчавшая, шагнула вперёд.

— Мы вошли в твой город, — сказала она. — Мы будем смотреть. Но мы не станем молчать о том, что увидим.

Астор перевёл на неё спокойный взгляд.

— Молчать здесь никого не заставляют. Здесь просто не спрашивают лишнего. Город сам покажет вам, как устроена жизнь без страха. Идите. Вас проводят и дадут крышу. А когда увидите достаточно — приходите. Я покажу больше.

Он кивнул, и из-за парапета выступил человек в сером — тот самый, что стоял у ворот.

— Гостевой двор у Восточной дороги, — сказал человек. — Там вам ответят на вопросы, на которые можно ответить.

Каэль и Лиар пошли за ним. На повороте Каэль оглянулся: Астор всё так же стоял у парапета, и незамкнутый круг над городом висел точно над его головой, как венец, который некому надеть.

ГЛАВА 4. ГОРОД, КОТОРЫЙ ЖДЁТ

Гостевой двор оказался длинным приземистым домом с внутренним двором и колодцем. Комнаты здесь были чистые, но безликие: кровать, стол, кувшин, свеча. На стене — ничего, кроме маленькой полки с глиняной плошкой.

— Живёте сколько нужно, — сказал провожатый. — Еду приносят дважды в день. Двери не запираются.

— Можно выходить? — спросил Каэль.

— Можно. Только не переходите серебряные линии там, где они поворачивают вглубь. За линией — улицы направлений. Там работают, и чужим там не место.

Провожатый ушёл. Каэль подошёл к окну. Из него был виден двор, колодец и кусок улицы, по которой всё так же ровно шли люди. Время от времени кто-то останавливался

у столба со светящейся доской, прикладывал к ней ладонь и шёл дальше, не меняя шага.

— Они сверяются, — сказала Лиар, встав рядом. — Как часы, которые проверяют, не отстали ли.

— С чем сверяются?

— С общим ритмом. Я читала о таком в старых записях: контур, в котором каждый слышит не других, а место, которое ему отвели. Никто не командует. Просто все знают, куда идти.

— Откуда знают?

Лиар долго смотрела на улицу.

— Вот это и есть главный вопрос, Каэль. Не «почему они не бунтуют». А «кто рассказал им, куда идти, так, что они не помнят самого разговора».

Вечером принесли еду: хлеб, кашу, тёплое питьё. Мальчишка-разносчик не поднял глаз. На пороге он помедлил, будто что-то хотел сказать, но только поставил поднос и исчез.

Каэль съел хлеб. Каша была пресной, но сытной. За окном город затихал — не как затихают деревни, где гасят последние лампы и перекликаются собаки, а как затихает механизм, которому больше не нужно напоминать, что он работает.

— Странно, — сказал он, отодвигая миску. — В Последнем Очаге нас в первый же вечер расспросили обо всём: откуда, зачем, кого знаем. Эстера проверяла нас делом, прежде

чем дать крышу. А здесь…

— А здесь не проверяют, — договорила Лиар. — Здесь уже всё решили за тебя, включая то, какие вопросы можно задавать.

Она сидела у окна и смотрела на улицу, где последние прохожие сворачивали в переулки, не поднимая глаз от серебряных линий.

— Свободный человек на чужом пороге всегда вызывает вопросы, — продолжила она. — Потому что его нужно узнать, прежде чем пустить. А здесь мы не вызвали ни одного. Значит, нас не собирались узнавать. Нас просто впустили в расписание.

— Как вещи.

— Хуже. Вещи хотя бы не спрашивают, почему их поставили не туда.

— Завтра начнём искать, — сказал он.

— Что именно?

— Сначала — дверь, через которую можно выйти. Потом — тех, кто ещё помнит, как это делается.

Лиар кивнула и задула свечу. В темноте серебряные линии за окном светились всё так же ровно, и Каэль впервые подумал, что в этом городе ночь — не отдых, а смена, которую город несёт вместо людей.

ГЛАВА 5. ПЕРВОЕ ПРАВИЛО

Утром к ним постучали. На пороге стоял пожилой человек в серой накидке без знаков, с тонкой книжкой в руках.

Он представился смотрителем гостевого двора и спросил, хорошо ли спалось.

— Как в чужом доме, — честно ответил Каэль.

— Здесь все дома немного чужие, — сказал смотритель. — Пока человек не находит своё место, город кажется ему чужим. Потом он перестаёт замечать.

Он раскрыл книжку. Это оказался не молитвенник и не устав, а простой перечень правил, записанных от руки, без заголовков.

— Первое правило города: не спрашивать о том, чего не нужно для работы. Второе: не спорить с распределением. Третье: не ходить в одиночку после второго звона. Четвёртое: не отказываться от помощи, которую предлагает Путь.

— А если помощь не нужна? — спросила Лиар.

Смотритель поднял на неё глаза.

— В городе принято считать, что человек не всегда знает, что ему нужно. Поэтому помощь предлагают заранее. Отказываться не запрещено. Просто не принято.

— И что бывает с теми, кто отказывается?

— С ними разговаривают. Сначала — смотрители, потом, если человек упорствует, — корректоры.

Он произнёс это слово буднично, как произносят «лекари» или «писцы». Каэль заметил, что Лиар напряглась, но сдержался и спросил только:

— Что делают корректоры?

— Помогают найти причину. Обычно она в усталости или

в старых привычках. Когда причина найдена, человек возвращается к своему месту и больше не спрашивает.

Смотритель закрыл книжку и встал.

— Вам не нужно заучивать правила. Город сам научит. Просто живите спокойно, и через несколько дней вы перестанете чувствовать себя гостями.

Когда за ним закрылась дверь, Лиар долго сидела, глядя на стол.

— Ты заметил? — спросила она.

— Да. Он ни разу не сказал «нельзя». Только «не принято» и «помогают».

— Самая крепкая клетка — та, в которой нет прутьев, а есть распорядок, о котором не спрашивают.

Каэль подошёл к окну. По улице шла женщина с двумя детьми. Дети держались за её юбку и смотрели под ноги, на серебряную линию, будто боялись наступить на неё и потерять шаг.

— Мы здесь не для того, чтобы жить спокойно, — сказал он. — Начнём с улиц. Пойдём туда, где не принято ходить.

ГЛАВА 6. ГОСТИ ЕДИНОГО ПУТИ

За два дня они обошли Второй Круг. Улицы здесь были одинаковы, как строки в казённой книге: дома без вывесок, колодцы, столбы с досками, редкие деревья, подстриженные так ровно, что тень от них ложилась, как по линейке.

Людей на улицах было много, но все они куда-то шли, и никто не задерживался. Каэль попробовал заговорить с тре-

мя прохожими. Первый ответил «иду на работу», второй — «не задерживаюсь», третий просто покачал головой и ускорил шаг.

— Они не грубят, — заметила Лиар. — Они берегут время. Время здесь — общее, и каждый боится потратить чужое.

На третий вечер в гостевом дворе появились новые жильцы: мужчина с обветренным лицом и женщина, которая вела его под руку. Мужчина пришёл из западных земель — он искал сына, пропавшего при «повторном измерении». Жена не хотела идти, но пошла, потому что не могла отпустить его одного.

— Мне сказали, здесь списки, — говорил он за ужином, глядя в миску. — Что здесь никто не пропадает, потому что все записаны. Я пришёл спросить, где мой сын.

— И что вам ответили? — спросил Каэль.

— Что спросят позже. Что для этого нужно сначала найти своё место. Я уже три дня хожу на разгрузку. Место, — он поднял на Каэля покрасневшие глаза. — Я ищу сына, а они дали мне место на складе. Как будто я для этого шёл через перевал.

Жена тронула его за рукав, но он не обернулся.

— Не ходите в приёмный дом, — тихо сказала она Каэлю. — Он там был вчера. Вернулся спокойный, а ночью не спал. Говорит, они просто разговаривали, но я его знаю: его о чём-то спросили, а он уже не помнит о чём.

Каэль переглянулся с Лиар. Ночью они долго не зажигали свечу.

— Приёмный дом, — прошептала Лиар. — Значит, есть место, где вопросы задают по-настоящему.

— И место, где на них отвечают за тебя, — закончил Каэль.

Он лежал и думал о мужчине с обветренным лицом. Тот прошёл через перевал, чтобы спросить про сына, а вместо ответа получил место на складе — и, кажется, уже начал привыкать к мысли, что это и есть ответ.

Самое страшное, понял Каэль, не когда у человека отнимают вопрос. Самое страшное — когда ему подсовывают вместо вопроса работу, а вместо ответа — покой, и человек однажды замечает, что перестал спрашивать.

— Мы не дадим ему дойти до этого, — сказал он в темноту.

— Кому? — не поняла Лиар.

— Никому. Пока мы здесь.

ГЛАВА 7. ДОМ, КОТОРЫЙ НЕ СПРАШИВАЕТ

Приёмный дом стоял на границе Второго и Третьего Круга — длинное приземистое здание без окон, но с широкой дверью, которая никогда не запиралась. Сюда приходили те, кто искал пропавших, просил помощи или просто не знал, куда идти. И уходили — почти все — успокоенными, с той особенной успокоенностью, которая больше похожа на усталость после долгого разговора.

Каэль и Лиар пришли сюда вечером, когда в доме почти никого не было. У входа их встретил писарь — молодой, с белым воротником, — и, не спрашивая имён, провёл в комнату с двумя стульями и гладким столом.

— Вы ищете человека или место? — спросил он.

— Человека, — ответил Каэль. — Сына одного путника. Его увезли на повторную проверку, след потерялся где-то здесь.

— Имя?

Каэль назвал. Писарь кивнул, вышел и вернулся через несколько минут с тонкой папкой.

— Он был у нас, — сказал писарь, раскрывая папку. — Прошёл собеседование. Принял помощь. Сейчас он в восточном квартале, работает при мельнице. Жив и здоров.

— Можно его увидеть?

— Можно. Завтра, после первого звона. Я передам.

Каэль смотрел на писаря и не мог отделаться от чувства, что всё это — стулья, стол, папка, ровный голос — устроено так, чтобы человек как можно быстрее перестал спрашивать. Не потому, что от него что-то скрывали. А потому, что вопросы здесь были не нужны: на каждый уже существовал ответ, записанный заранее, ровным почерком, в ровной папке.

— Скажите, — не выдержала Лиар, — а что вы делаете с теми, чей вопрос не помещается в папку?

Писарь впервые поднял на неё глаза — и Каэль увидел в них не страх и не злобу, а глубокое, застарелое недоумение

человека, которому задали вопрос на языке, которого он не учил.

— Мы помогаем им найти нужную папку, — ответил он.

Они вышли на улицу. Вечер был тёплый, и серебряные линии на мостовой горели ровно, уходя к центру города, где над башней висел незамкнутый круг.

— Теперь ты понимаешь, почему здесь не боятся, — тихо сказала Лиар. — Страх — это незнание. А здесь знают всё. Вернее, всё, что помещается в папку. Остальное просто не существует.

— И сын путника «жив и здоров», — медленно произнёс Каэль. — Работает при мельнице. Помнишь, как звучало его имя в папке? Оно звучало правильно. Слишком правильно.

— Как заученное.

— Как переписанное.

Они долго стояли у приёмного дома, глядя на широкую незапертую дверь, в которую входили и входили люди — тихо, ровно, без стука. И Каэль подумал, что самые надёжные двери в этом городе — не те, что запирают снаружи. А те, в которые входят сами, потому что за ними обещают покой.

ГЛАВА 8. ЖЕНЩИНА СО ШРАМОМ

У внешней стены, там, где Второй Круг сходился с первым, Каэль заметил её не сразу. Женщина стояла в тени арки, закутанная в серый плащ, и смотрела на ворота — те самые, через которые они вошли. Тонкий шрам тянулся от уголка её губ к подбородку, как трещина на старом кувшине.

Он узнал её. Это она встретила их у врат Тихой Короны много дней назад, ещё до входа в долину, и сказала тогда: «Я не хочу, чтобы вы вошли».

Теперь она стояла внутри.

— Вы всё-таки вошли, — сказала она, не оборачиваясь. Голос у неё был низкий, с хрипотцой, как у человека, который долго молчал.

— Мы вернулись после того, как вошли, — ответил Каэль. — Вы говорили, этого не делал никто.

— Не делал. Большинство входит и остаётся. Некоторые входят и исчезают из списков. Возвращаются только те, кто ещё помнит, зачем шёл.

— А вы? — спросила Лиар. — Вы вошли или остались?

Женщина помолчала, трогая шрам кончиком пальца — привычным, давним движением.

— Я вышла давно. Но не ушла. Стою здесь и смотрю, кто приходит, а кто возвращается. Это моя работа, хотя мне её никто не поручал.

Она впервые повернулась к ним. Глаза у неё были серые, спокойные, очень старые для молодого ещё лица.

— Если вы пришли, чтобы разбудить город, — тихо сказала она, — не будите его криком. Здесь крик не добегает до вторых этажей. Здесь всё слышно только тому, кто спрашивает шёпотом.

Она ушла вдоль стены, не прощаясь, и Каэль долго смотрел ей вслед, пока серая фигура не слилась с серым камнем.

— Кто она? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Лиар. — Но она спросила нас о чём-то таком, о чём не спросил ни один смотритель.

— О чём?

— Она спросила, не забыли ли мы, зачем шли.

ГЛАВА 9. ДЕВЯТЬ ДОРОГ

На четвёртый день они поднялись на смотровую площадку над Вторым Кругом — единственное место в городе, откуда его можно было увидеть целиком.

Город лежал внизу, как колесо: три кольца улиц, и из внешнего кольца, как спицы, выходили девять дорог. Они уходили в туман во все стороны света, но только одна — восточная, та, по которой они пришли, — была освещена. Восемь остальных тонули в серой мгле.

— Девять дорог, — сказала Лиар. — Как на карте Эйры. Восемь направлений и пустое место.

— Здесь девять, — возразил Каэль. — Но одна дорога не светится даже днём.

Он смотрел туда, где между двумя дорогами, сходящимися к юго-востоку, должна была проходить девятая. Её не было видно — но не потому, что она терялась в тумане. Там, где ей следовало быть, камни мостовой обрывались, и начиналась нетронутая трава, как будто дорогу, которую не построили, нельзя было даже вообразить.

[Обнаружен узел: Тихая Корона.]

[Состояние: частичная активация.]

[Девятое направление: не активировано.]

[Причина: отсутствие добровольного отказа.]

Каэль закрыл окно. С площадки было видно и другое: по освещённой дороге в город всё шли и шли люди. Ветер приносил снизу ровный гул шагов — не громкий, но постоянный, как шум дальней мельницы.

— Восемь дорог ведут наружу, — медленно произнесла Лиар. — Астор держит одну. По ней входят. По ней, если верить смотрителям, и выходят. Но куда выходят те, кто уходит по освещённой дороге?

— Наверное, туда, откуда пришли, — сказал Каэль.

— Или никуда. Дорога, по которой все идут в одну сторону, — не дорога. Это приток.

Ветер шевельнул волосы. Внизу, на восточной дороге, колонна людей остановилась, подождала чего-то невидимого и снова двинулась — как одна длинная нога, делающая один длинный шаг.

— Мы должны найти остальные восемь, — сказал Каэль. — Или хотя бы одну.

— Зачем?

— Затем, что Астор боится их больше, чем нас. Иначе он не стал бы прятать их в туман.

ГЛАВА 10. СЕРЕБРЯНАЯ ЛИНИЯ

Серебряная линия вела Каэля через весь город.

Он пошёл за ней однажды утром, просто чтобы понять, куда она девается. Линия не петляла и не обрывалась: она

шла по мостовым, огибала колодцы, поднималась на стены у ворот, снова спускалась — и всё время пульсировала ровно, в одном ритме, как жилка, по которой течёт не кровь, а время.

— Ты как будто на поводке, — заметила Лиар, шагая рядом. — Только поводок этот ты выбрал сам.

— Я не выбирал, — ответил Каэль. — Я иду посмотреть, где он заканчивается. Это не выбор, это проверка.

Линия привела их к Второму Кругу, к невысокому столбу, каких в городе были сотни. Здесь она не заканчивалась — она уходила в землю, в узкую щель между камнями, и дальше, под мостовой, её было не видно.

— Вот и всё, — сказал Каэль. — Вниз.

— Не совсем, — возразила Лиар, присев на корточки. — Смотри.

На камне у основания столба была вырезана надпись — старая, полустёртая, но ещё различимая. Лиар провела по ней пальцем и прочитала по складам:

— «Линия — не путь. Она — след пути. Идущий видит её за собой, но не перед собой».

— Кто это вырезал?

— Не знаю. Но этот город построен наоборот: здесь линию кладут перед человеком, а не за ним. Поэтому люди и идут по ней, не оглядываясь. Им кажется, что дорога уже пройдена — кем-то другим, заранее. Остаётся только ступать след в след.

Каэль долго смотрел на уходящую под землю линию. Потом переступил через неё — просто так, поперёк, — и остановился. Ничего не случилось: город не вздрогнул, стража не выскочила из-за угла. Только старуха, проходившая мимо с корзиной, покосилась на него с неодобрением, как на человека, который идёт по посевам.

— Они даже нарушать разучились, — тихо сказал Каэль. — Им не запрещают. Им просто показывают линию, по которой все идут. А всё, что поперёк, — «не принято».

— Вот именно, — кивнула Лиар. — Поэтому мы и ходим поперёк. Не из упрямства. Чтобы город помнил: след пути — это то, что остаётся за спиной. А впереди — только то, что ты решишь сам.

Они пошли дальше — не по линии, а рядом с ней, и Каэль впервые заметил, что у этой линии есть звук. Тихий, на грани слышимости гул, похожий на звон дальней струны. У ворот гостевого двора он обернулся: линия уходила в город, прямая, как стрела, пущенная в никуда.

— Знаешь, — сказал он, — отец учил меня не спорить с течением, а использовать его. Но он не говорил, что бывает течение, у которого нет берегов.

— Бывает, — ответила Лиар. — Только тогда нужно не плыть. Нужно встать на дно. И держаться.

ГЛАВА 11. ПЛАСТИНА СИВЫ

Сведения о нижних залах они искали по крупицам. В гостевом дворе о таких вещах не говорили; на улицах — тем

более. Но однажды вечером мальчишка-разносчик, тот самый, что приносил ужин, задержался в дверях и, не поднимая глаз, сунул Каэлю в ладонь что-то холодное и плоское.

— Это от неё, — прошептал он. — От той, что рисовала карты на стене. Она сказала: если придут двое и спросят про седьмой проход — отдать.

И исчез за дверью.

Это была пластина из светлого металла, тонкая, как лепесток. На ней неровной царапиной был вычерчен план: три круга, вложенных один в другой, и внизу, под городом, — короткая лестница вниз, упиравшаяся в прямоугольник с семью точками.

— Седьмой проход, — прошептала Лиар, разглядывая царапины. — Сива говорила о нём. Нижний зал. Там собирают свидетельства отказавшихся.

— Кто такая Сива? — спросил Каэль, хотя уже знал.

— Девушка из города Единого Пути. Та, что сбежала, когда мы сняли с неё печать. Она хотела стать картографом.

Лиар провела пальцем по царапинам. Некоторые линии были нанесены дважды, как будто рука, рисовавшая их, торопилась или боялась.

— Она вернулась, — тихо сказала Лиар. — Сюда. В город, из которого бежала. И оставила нам план.

— Зачем?

— Может быть, затем, что карты для того и рисуют, чтобы по ним могли пройти те, кто придёт после.

Каэль спрятал пластину под рубашку, рядом с осколком. Ночью он долго лежал без сна и думал о девушке, которая боялась города больше всего на свете — и всё-таки вернулась, чтобы нацарапать на металле дорогу вниз.

Смелость, понял он, не всегда похожа на меч. Иногда она похожа на дрожащую линию, проведённую по чужому плану.

Утром он перевернул пластину и увидел на обратной стороне ещё одну царапину, совсем свежую, будто сделанную в темноте: «Не ищите меня днём. Я приду сама, если переживу».

— Она боится, — сказала Лиар, прочитав.

— И всё равно оставила след. Люди, которые боятся, но оставляют следы, обычно знают, зачем.

— Или знают, что больше некому.

Они спрятали пластину на дне сумки, под травами, и впервые за дни, проведённые в городе, у Каэля появилось чувство, что у них есть не только крыша над головой, но и направление — вниз, под мостовые, туда, где город хранил не свет, а то, что люди отдавали ему против воли.

— Седьмой проход, — повторил он, затягивая ремень. — Начнём с него.

— Сначала доживём до вечера, — ответила Лиар. — В этом городе даже стены, кажется, следят, куда ты смотришь.

— Пусть следят. Пусть видят, что мы не отводим глаз.

ГЛАВА 12. НОЧЬ В ЧУЖОМ ПОРЯДКЕ

После второго звона город затихал, но не засыпал. Каэль

лежал с открытыми глазами и слушал, как за стеной — нет, не за стеной: в самой стене, в полу, в воздухе — течёт ровный, низкий гул. Он напоминал дыхание огромного спящего, у которого и сон, и бодрствование давно стали одним и тем же.

— Ты тоже слышишь? — спросил он в темноте.

— Да, — ответила Лиар. — Это контур. Он дышит вместо города. Поэтому люди здесь так ровно ходят: им не нужно задавать себе ритм, он уже есть.

— Как можно жить, когда за тебя дышат?

— Можно. Долго. Только потом перестаёшь замечать, что это не твоё дыхание.

Они помолчали. За окном проплыл огонёк — кто-то нёс лампу, и свет её был удивительно одиноким в этом ровном сумраке.

— Я думал, что самое трудное — дойти, — сказал Каэль. — Оказалось, самое трудное — не стать частью порядка, пока мы здесь.

— Мы не станем, — ответила Лиар. — У нас есть преимущество.

— Какое?

— Мы помним, что дверь, через которую мы вошли, была открыта не для того, чтобы мы остались.

Каэль не ответил. Он лежал и считал собственные вдохи, стараясь не попасть в такт гулу за стеной. Это оказалось труднее, чем он думал: гул подстраивался, ждал, и стоило

отвлечься, как сердце само начинало биться в чужой ритм.

Тогда он сел на кровати и сказал вслух, просто чтобы услышать собственный голос:

— Меня зовут Каэль. Я пришёл сюда не для того, чтобы мне дали место.

Гул не ответил. Но на мгновение — на одно короткое мгновение — ему показалось, что город прислушался.

Засыпая, он подумал, что в этом городе даже тишина умеет спрашивать. И что завтра им придётся научиться отвечать ей так, чтобы ответ оставался их собственным.

ЧАСТЬ II. СВОБОДА БЕЗ ОПОРЫ

ГЛАВА 13. ПРИГЛАШЕНИЕ АСТОРА

На пятый день в гостевом дворе появился человек в сером плаще. Он не постучал, а просто стоял у двери, когда Каэль вышел во двор, и ждал, пока его заметят.

— Хранитель Единого Направления приглашает вас посмотреть, как живут земли за пределами города, — сказал он. — Вы ведь хотели видеть.

— Мы видели достаточно, чтобы не доверять приглашениям без условий, — ответила Лиар, вышедшая следом.

— Условия простые. Вы едете, смотрите, разговариваете. Возвращаетесь, когда захотите. Вас никто не станет задерживать — ни в пути, ни по возвращении.

— А если мы не захотим возвращаться? — спросил Каэль.

Человек в сером позволил себе короткую, сухую улыбку.

— Тогда вы останетесь там, куда поедете. Дорога открыта

в обе стороны. В этом городе не держат силой. Здесь просто некуда бежать.

Он ушёл, оставив на перилах две дорожные сумки с припасами и свёрток с картой западных поселений.

— Он ждёт, что мы согласимся, — сказала Лиар.

— Он ждёт, что мы увидим то, что он хочет показать, — поправил Каэль. — Разница в том, что увидим мы всё равно своё.

Они вышли из города на следующее утро, через те же ворота, что вошли. Никто не спросил у них документов, никто не переписал имён. Ворота просто расступились, и за спиной снова оказалась долина, а впереди — западная дорога, которую Астор не освещал.

— Странно уходить, когда никто не смотрит вслед, — заметил Каэль.

— Никто и не смотрит, — ответила Лиар. — Они уверены, что мы вернёмся. И это не обещание, а расчёт.

Дорога вела между холмами к серым перелескам. Через несколько часов они увидели первое поселение — и поняли, почему Астор был так спокоен, отпуская их.

ГЛАВА 14. ДЕРЕВНЯ БЕЗ КРИСТАЛЛА

Деревня называлась Выселки, и её было видно издалека: десятка три домов, покосившаяся колокольня и площадь, на которой лежал расколотый Испытательный кристалл.

Когда Каэль и Лиар вошли в деревню, у кристалла сидела девочка лет девяти. Она не плакала. Она просто сидела, об-

хватив колени, и смотрела на тёмную трещину, уходившую в глубину камня.

— Ты чего здесь одна? — спросил Каэль, присаживаясь рядом.

— Меня должны были измерить сегодня, — ответила девочка. — В первый раз. А камень сломан.

— Ты из-за этого расстроилась?

Она подняла на него глаза, и Каэль увидел, что в них не детская обида, а настоящий, взрослый страх.

— У меня было две линии на ладони, — прошептала она. — Мама говорила, что будет два кольца. А теперь не будет ничего. И все говорят, что без числа человек — как дом без крыши.

Каэль долго молчал. Потом поднял с земли мелкий камешек и положил перед девочкой.

— Видишь? У него нет колец. И ничего. Он всё равно камень.

— Камни не ходят в школу, — возразила девочка.

— А ты ходи. И делай то, что у тебя получается. Кольца не умеют ни шить, ни печь, ни лечить. Это умеют люди. Число на камне только говорит, сколько тебе разрешили. Оно никогда не говорит, сколько ты можешь.

Девочка недоверчиво посмотрела на него, но страх в её глазах стал немного меньше. Она подобрала камешек и зажала в кулаке, как будто это была теперь её собственная мера.

Вечером староста рассказал, что кристалл треснул три недели назад, когда на востоке, над Тихой Короной, вспыхнул свет. С тех пор ни одно измерение в округе не сошлось: камень то молчал, то показывал всем одинаковое — одно бледное кольцо.

— Мы привыкли сверяться с ним, — сказал староста. — Теперь сверяться не с чем. И людям страшно.

— Страшно, что станет меньше порядка? — спросила Лиар.

— Страшно, что станет меньше нас, — ответил староста.

ГЛАВА 15. ДЕВОЧКА С ДВУМЯ ЛИНИЯМИ

Девочка пришла сама, на второй день, — та самая, что сидела у треснувшего кристалла. Она стояла у калитки дома, где ночевали Каэль и Лиар, и мяла в кулаке свой камешек — тот, что Каэль поднял с земли на площади.

— Вы ещё здесь? — спросила она, будто не веря.

— Здесь, — ответил Каэль. — А ты почему не дома?

— Мама сказала, чтобы я не ходила к чужим. А я пошла. Потому что вы первый, кто не назвал меня «беспредельной».

Каэль присел, чтобы их глаза оказались на одном уровне, — как делал когда-то отец, разговаривая с ним.

— Как тебя зовут?

— Тана. У меня было две линии на ладони. Мама говорит, значит, было бы два кольца. А теперь камень сломан, и я никто.

— Ты Тана, — сказал Каэль. — Не «никто». Тана. И коль-

ца тут ни при чём.

— А при чём?

— При том, что ты умеешь и что любишь. Что ты любишь, Тана?

Девочка подумала — серьёзно, по-взрослому, наморщив лоб.

— Я люблю чинить. У нас дома всё ломается: и табурет, и калитка, и куриный насест. А я чиню. Папа говорит, у меня руки как у старой.

— Вот, — сказал Каэль. — Значит, ты не «никто». Ты та, кто чинит. Это ремесло, Тана. И никакой камень не нужен, чтобы его у тебя отнять.

Девочка посмотрела на него долгим, изучающим взглядом — так смотрят дети, когда решают, можно ли верить взрослому.

— А вы правда из тех, кто сломал кристаллы? — спросила она.

— Нет, — ответил Каэль. — Но я из тех, кто видел, как кристаллы ломают людей. И поэтому говорю тебе: не жди, пока починят камень. Он сломался не зря.

Тана кивнула, спрятала камешек в карман и убежала — легко, вприпрыжку, как бегают дети, у которых кончился страх. Лиар, наблюдавшая за ними с крыльца, подошла и встала рядом.

— Знаешь, что ты сейчас сделал? — спросила она.

— Поговорил с ребёнком.

— Нет. Ты вернул ей то, что кристалл забирал у всех в этой деревне задолго до того, как треснул. Право быть кем-то, а не числом. Это, Каэль, посильнее любого импульса.

Каэль смотрел вслед девочке, пока она не скрылась за поворотом, и думал о том, что впереди — Кривой Мост, костры из реестров и люди, которые не умеют ни того, ни другого: ни быть числами, ни быть собой. И что дорога к ним будет длиннее, чем до Выселок.

ГЛАВА 16. КОСТЁР НА ПЛОЩАДИ

В Кривом Мосту, втором поселении на западной дороге, страха было меньше, а злобы — больше.

На площади жгли книги. Реестры измерений, подворные списки, старые протоколы повторных проверок — всё, что напоминало о Палате, летело в огонь, и толпа гудела, как котёл на сильном жару. Над костром поднимался дым, пахнущий сургучом и старой бумагой.

Каэль и Лиар остановились у крайнего дома и смотрели. Сначала это было похоже на освобождение. Потом из переулка выволокли человека.

Это был писарь — пожилой, в сером сюртуке с серебряной нитью, из тех, кто ездил по деревням с книгами повторных измерений. Его толкали к костру, и он не кричал, только закрывал лицо локтем.

— Он записывал нас, как скот! — выкрикнул кто-то.

— Он уводил людей на проверку! — подхватил второй.

Каэль шагнул вперёд. Никто не успел остановить его, даже

Лиар — он просто встал между толпой и писарем, расставив руки.

— Что вы с ним сделаете? — спросил он негромко, но так, что площадь услышала.

— А что он делал с нашими? — ответили из толпы.

— Он записывал. Это правда. Но если вы сожжёте его вместе с книгами, вы не станете свободнее. Вы станете теми, кого сами боялись.

Толпа качнулась, но не расступилась. Молодой парень с факелом шагнул ближе.

— Ты чужой. Что ты знаешь о наших книгах и наших людях?

— Я знаю, каково это — когда за тебя решают, чего ты стоишь. Поэтому говорю: не начинайте новую жизнь с чужой крови. Она испортит всё, что вы построите после.

Парень замер. Где-то в задних рядах женщина заплакала — громко, навзрыд, как плачут не от горя, а от усталости. Факел опустился.

Писаря не тронули. Его вывели за околицу и велели не возвращаться, а книги, которые он вёз, так и остались лежать на краю площади — люди не решились ни сжечь их до конца, ни подобрать.

— Страх легко переходит в ненависть, — тихо сказала Лиар, когда они уходили. — И обе одинаково легко находят себе хозяина.

Каэль молчал. Он думал о том, что Астор, наверное, всё

это знал. И именно это хотел показать.

ГЛАВА 17. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОСИТ ВЕРНУТЬ ЗАКОН

В Кривом Мосту они заночевали в доме старика, который пускал путников за работу по хозяйству. Звали его Борш, и он был из тех, кого кристаллы никогда не пугали, потому что у него самого колец было три, и этого хватало, чтобы не думать о числах.

Но наутро к дому Борша пришёл другой человек — сутулый, в залатанной куртке, с белыми от известки руками. Он мялся на пороге и наконец спросил Каэля, правда ли, что на востоке есть город, где «всё как прежде, только без страха».

— Есть город, — ответил Каэль. — Только страх там не ушёл. Его переложили на других.

— Мне всё равно, кто его несёт, — сказал человек. — Лишь бы я знал, что завтра будет так же, как сегодня. Кристалл сломан, и теперь никто не может сказать, чего человек стоит. Раньше я знал: у меня два кольца, у соседа четыре, у кузнеца три. Теперь все стали одинаковые, и от этого только хуже. Без числа человек как без имени.

— У человека есть имя, — тихо сказала Лиар.

— Имя было у моего отца. Его увели на повторную проверку, и имя ему не помогло.

Каэль долго смотрел на него.

— Я не стану обещать, что будет, как прежде, — сказал он. — Потому что прежде было не так уж хорошо, просто вы

привыкли к своему месту. Но я могу спросить вас: чего вы хотите, чтобы было завтра?

Человек подумал.

— Чтобы дети не боялись, — сказал он наконец. — И чтобы за хлеб не нужно было кланяться.

— Вот с этого и начните. Кристалл никогда этого не давал.

Человек ушёл, но не злой и не убеждённый — задумчивый, как будто впервые в жизни ему задали вопрос, на который не было заранее записанного ответа.

— Астор был прав в одном, — сказал Каэль, глядя ему вслед. — Людям, которых всю жизнь мерили, страшно остаться без меры.

— Прав, — согласилась Лиар. — И неправ в другом: он предлагает им новую меру вместо старой. А им нужно не это. Им нужно научиться стоять без неё.

ГЛАВА 18. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИСАРЯ

Писарь вернулся в Кривой Мост на четвёртый день — сам, пешком, с котомкой, в которой позвякивали чернильницы.

Его узнали сразу. Тот самый, кого три дня назад тащили к костру, стоял теперь у околицы, сняв шапку, и ждал, пока сойдутся люди. Собралось много — и те, что кричали «жги», и те, что молчали, и те, что потом, ночью, приходили к Каэлю спрашивать, правильно ли сделали, что отпустили.

— Я пришёл не за работой, — сказал писарь, когда площадь наполнилась. — Я пришёл ответить.

— Отвечай, — бросил кто-то из толпы.

— Я записывал вас, — сказал писарь. — Всех. Тридцать лет записывал. Имена, кольца, дома, недоимки. Я думал, что это порядок. Что если записать каждого, никто не пропадёт. А вышло наоборот: пропали те, кого вычеркнули из моих книг. И я вычёркивал их своей рукой.

Он расстегнул котомку и вынул стопку бумаг — старые реестры, перевязанные бечёвкой.

— Вот, — сказал он. — Здесь всё, что я помню сверх того, что в книгах. У кого отняли сына. Кому переписали срок. Кто отказался и был объявлен больным. Я писал это по ночам, для себя, потому что боялся забыть. А теперь отдаю вам. Читайте. И судите по этим строкам, а не по моему сюртуку.

Толпа молчала. Потом вперёд вышла женщина — та самая, что плакала у костра, — взяла бумаги, полистала и вдруг ахнула, ткнув пальцем в строку:

— Вот! Вот мой Марк! «Уведён на повторную проверку, не вернулся». Три года я всем говорила, а мне не верили. Тут написано! Чёрным по белому!

Она прижала лист к груди и заплакала — навзрыд, как тогда, только теперь сквозь слёзы повторяла: «Он был. Он был. Я не выдумала».

Писаря не побили и не прогнали. Ему дали место у старосты — переписывать его ночные записи начисто, чтобы каждая строка была проверена и подтверждена. Он согласился, не торгуясь.

— Странно устроена правда, — сказал Каэлю вечером Борш, у которого они ночевали. — Сначала её жгут на площади, а потом оказывается, что она была спрятана в котомке у того, кого жгли вместе с ней.

— Правда не горит, — ответил Каэль. — Горит страх перед ней. А правда лежит и ждёт, пока огонь прогорит.

Он долго смотрел на угли, оставшиеся от того костра, и думал о писаре, который тридцать лет боялся забыть и поэтому записывал. Теперь его страх стал общим достоянием. И это, наверное, было единственным способом, которым страх вообще можно победить: не сжечь, а прочитать вслух.

ГЛАВА 19. ХЛЕБ И ОЧЕРЕДЬ

В Кривом Мосту они прожили четыре дня — не потому, что некуда было идти, а потому, что здесь, как выяснилось, было что чинить.

Мельница стояла без жернова: его расколол тот самый треснувший кристалл, когда от него пошла волна. Мука кончилась, и на площади каждый день собиралась очередь, в которой люди начинали с шепота, а к вечеру доходили до крика.

— Очередь — это маленькая война, — сказал Каэлю пекарь, у которого первым кончились запасы. — Все справедливые, пока хватает хлеба. А как не хватает — вспоминают, у кого сколько колец.

Каэль не стал спорить и не стал читать людям проповедей. Вместе с пекарем и двумя подростками он снял с телеги

старый ручной жёрнов, который нашёлся в сарае у старосты, поставил его на ось и за три дня приладил привод. Лиар тем временем переписала очередь в списки по дням, чтобы каждая семья молола свою долю в свой час.

На четвёртый день мельница завертелась. Первый мешок муки ушёл в общую печь, и вечером на площади раздавали хлеб — по одному на семью, без споров, потому что список был общий и каждый видел, что в нём.

— Вы не колдуете, — сказал Каэлю пекарь. — Просто чините. Откуда это у вас?

— От отца, — ответил Каэль. — Он говорил: если хочешь, чтобы люди не ссорились, не читай им закон. Дай им хлеб и работу, а закон они сами напишут.

Пекарь хмыкнул.

— Мудрый был человек.

— Да, — сказал Каэль. — Только сам не всегда умел жить по своим словам.

Ночью Система открылась сама, без запроса:

[Наблюдение: добровольное содействие.]

[Опыт: +2.]

Каэль прочитал и закрыл окно. Впервые за долгое время он не стал проверять, сколько осталось до следующего уровня. Числа больше не казались ему важнее хлеба, который делили на площади.

ГЛАВА 20. ТРИ СЛОВА О ВЫБОРЕ

Накануне ухода они сидели с Лиар на берегу ручья за око-

лицей. Вода шла быстро, огибая камни, и в сумерках было слышно, как она переговаривается с корнями.

— Ты заметил, что здесь все ждут, что кто-то скажет им, как жить? — спросила Лиар.

— Заметил. Они ждали этого от кристалла. Теперь ждут от нас. Завтра будут ждать от Астора, если мы уйдём молча.

— И что мы оставим им вместо ожидания?

Каэль бросил в воду щепку. Её подхватило течением и понесло между камней — не против воды, а вместе с ней, как когда-то учил его отец.

— Отец говорил: лодка не спорит с водой. Она использует её. Но он не говорил, что делать, когда воды нет. Только камни и очередь.

— Вода всегда есть, — ответила Лиар. — Просто иногда она под землёй. Свобода — не то, что остаётся, когда уходит власть. Это то, что люди строят вместе, когда перестают ждать, что её принесут.

Он долго смотрел на ручей.

— Три слова, — сказал он. — «Вместе», «сами», «сейчас». Астор предлагает им одно слово вместо трёх. «Покой».

— И покой этот похож на тот, что бывает у уставшего, — кивнула Лиар. — Пока спишь — тепло. А проснёшься — ни рук, ни дороги.

Они вернулись в деревню затемно. На площади ещё тлел уголь от недавнего костра, и кто-то — Каэль не разглядел кто — сидел у огня и глядел на него так, будто в углях можно

было прочитать завтрашний день.

— Завтра они спросят нас, что делать дальше, — сказал Каэль.

— И что мы ответим?

— То же, что отвечали бы себе. Что дальше — то, что они решат сами. А мы покажем, как это выглядит, если не бояться.

ГЛАВА 21. СТАРОСТА И СПИСОК

Старосту Выселок звали Морв, и он был из тех людей, которых беда не ломает, а раздражает.

— Список, — говорил он, меряя шагами комнату, где Каэль и Лиар разбирали бумаги. — Всю жизнь у меня был список: кто где живёт, у кого сколько колец, кому сколько муки. А теперь кристалл треснул, и списка нет. И люди ходят как неприкаянные, и спрашивают меня, как им жить. А я что? Я тоже впервые без списка.

— И как вам? — спросил Каэль.

Морв остановился, подумал и неожиданно усмехнулся.

— Знаешь, а ведь легче. Я тридцать лет по утрам сверял, кто чего достоин. А теперь сверяю, кому чего не хватает. Это, оказывается, разные списки.

Он сел к столу, достал чистый лист и разгладил его ладонью, как делают люди, которые собираются писать важное.

— Вот смотри, — сказал он. — Раньше я писал: «Дорн, два кольца, плотник». А теперь пишу: «Дорн, плотник, крыша над мастерской прохудилась». Понимаешь разницу? Пер-

вый список — про то, чего человек стоит. Второй — про то, что ему нужно. Первый разделяет. Второй соединяет.

— И люди согласились жить по второму?

— Не сразу. Требовали вернуть первый. «Как мы будем знать, кого слушать?» — кричали. А я им говорю: «А вы послушайте, кто дело предлагает, а не кто громче орёт. Кто дело предлагает — того и слушайте. Кольца тут ни при чём».

Морв пододвинул лист Каэлю. На нём было всего несколько строк, но каждое слово дышало уверенностью человека, который наконец-то пишет то, что видит, а не то, что велено.

— Заберите с собой, — сказал он. — Покажите на востоке, если спросят, как мы тут живём. Пусть знают: без кристалла можно. Трудно, но можно. Главное — не бояться переписать список. Список, сынок, не должен быть важнее людей, которых он описывает.

Каэль сложил лист и спрятал рядом с письмами. Вечером, перечитывая, он подумал, что Морв, сам того не зная, сказал то, ради чего они шли через полмира: числа не должны стоять раньше имён. И что мир, в котором списки пишутся о нуждах, а не о достоинствах, — возможен. Потому что вот же он, начинается, в деревне, где расколотый кристалл лежит на площади и уже не пугает детей.

ГЛАВА 22. ОТВЕТ КАЭЛЯ

На обратном пути, у развилки перед воротами Тихой Короны, их ждал человек в сером плаще. На этот раз — сам Астор. Он стоял у дорожного камня, сложив руки, и смотрел

на запад, откуда они шли.

— Ты видел, — сказал он вместо приветствия.

— Видел, — ответил Каэль.

— Костёр, очередь, человека, который просит вернуть закон. Видел, как быстро люди превращают свободу в страх, а страх — в ненависть. Я показывал тебе это не для того, чтобы ты радовался. Я хотел, чтобы ты понял: их не в чем винить. Они не умеют быть свободными. Их никогда не учили.

— Их не учили, — согласился Каэль. — И именно поэтому им нужна не власть, а опора. Опора, которую можно отпустить.

— Опора, которую можно отпустить, — медленно повторил Астор, — это не опора. Это ожидание падения. Люди устают держаться. Ты сам видел: они уже падают.

— Падение не доказывает, что их надо держать. Оно доказывает, что им нужны руки, которые помогут встать, а не цепь, которая не даст упасть.

Астор долго смотрел на него. Ветер шевелил полы его плаща, и на мгновение Каэлю показалось, что под серой тканью нет тела — только свет, ровный, как линии на мостовых города.

— Ты говоришь красиво, — сказал Астор наконец. — Красиво и молодо. Когда-нибудь ты поймёшь, что руки, которые помогают встать, устают быстрее, чем цепь. И что люди, которых не держат, разбегаются в разные стороны и гибнут поодиночке.

— Тогда помоги им научиться не разбегаться, — ответил Каэль. — Не привязывай их к столбу. Привяжи их друг к другу — но нитью, которую каждый может отпустить.

Астор улыбнулся — впервые за разговор.

— Нитью, которую каждый может отпустить, — повторил он. — Ты сам веришь в то, что говоришь?

— Я учусь верить, — сказал Каэль. — Это труднее, чем держать.

Они разошлись у ворот: Астор — внутрь, к своему кругу света, Каэль и Лиар — на гостевой двор, где их ждала всё та же комната с полкой и глиняной плошкой. Но теперь эта комната казалась Каэлю не ловушкой, а местом, из которого можно было смотреть дальше.

ГЛАВА 23. АСТОР ОТВЕЧАЕТ

Ответ Астора пришёл не словами.

Утром у гостевого двора собралась небольшая толпа: люди с одинаковыми пластинами, человек десять, и все они смотрели на окна так, будто ждали чего-то от тех, кто за ними живёт.

— Чего они хотят? — спросил Каэль у смотрителя.

— Вас, — ответил смотритель, не поднимая глаз. — В городе объявили, что вы принесли вести с запада. Люди хотят спросить, правда ли, что там жгут книги и бьют писарей.

Каэль вышел во двор. Толпа не шелохнулась. Впереди стоял мужчина с лицом, изрезанным морщинами, как старая пашня, и держал в руках свою пластину так, будто она была

щитом.

— Правда ли, что там, на западе, люди остались без меры? — спросил он.

— Правда, — ответил Каэль.

— И что с ними стало?

Каэль помолчал, подбирая слова. Он не собирался лгать — ни Астору, ни этим людям.

— Им стало страшно. Некоторые жгут то, что напоминает о старом порядке. Некоторые просят вернуть его. Но есть и те, кто чинит мельницы, делит хлеб и учит детей, что число на камне не решает, чего человек стоит.

— А вы, — вступил второй, помоложе, — вы разве не из тех, кто сломал кристаллы? Не из-за вас ли всё началось?

— Я из тех, кто видел, как кристаллы ломают людей, — ответил Каэль. — Но я не ломал ваши камни и не приказывал вам носить пластины. Я пришёл сюда, чтобы понять, чем вы их замените. Хлебом и правдой — или новой мерой, которая снова решит всё за вас.

Толпа молчала. Смотритель у ворот что-то шепнул человеку в сером, стоявшему в тени арки, но тот не двинулся.

— Они пришли не за правдой, — тихо сказала Лиар, когда Каэль вернулся в дом. — Их прислали, чтобы посмотреть, как ты ответишь.

— И как я ответил?

— Как человек, а не как носитель. Теперь Астор знает, где у тебя граница.

— А где она?

Лиар усмехнулась.

— Там, где ты перестаёшь считать, сколько людей на тебя смотрит.

ГЛАВА 24. ЛЮДИ С ПУСТОЙ ЛАДОНЬЮ

Они появились в Кривом Мосту на второй день — двое, в серых плащах без знаков, с пустыми ладонями, вышитыми на груди.

Люди в деревне называли их «исправителями». Они не угрожали и не приказывали: просто ходили по дворам, разговаривали негромко, участливо, и предлагали то, от чего трудно отказаться, — вернуть прежние пределы.

— Мы не от Палаты, — говорили они каждому. — Мы от Пути. Палата вас мерила и бросала. А Путь возвращает. Ты был с двумя кольцами? Будешь снова с двумя. Только запиши, что помнишь, — и спи спокойно.

Каэль и Лиар наткнулись на них у дома пекаря. Один из «исправителей», молодой, с мягким голосом, сидел на лавке и держал за руку старуху, которая плакала о том, что после треснувшего кристалла соседи перестали ей кланяться.

— Они думают, я теперь никто, — всхлипывала старуха. — А я была с тремя кольцами. Все меня слушали.

— Будете, — вкрадчиво говорил молодой. — Мы вернём вам всё. Даже больше. Путь не отнимает. Путь возвращает.

— Что вы вернёте ей? — спросил Каэль, подходя. — Кольца? Страх соседей? Или её уверенность, что без числа она

— пустое место?

Молодой поднял на него спокойные глаза.

— Мы возвращаем людям покой. А вы, я слышал, учите их жить без опоры. Что ж. Посмотрим, кто дольше простоит у постели, когда придёт зима.

— Покой, который держится на чужой записи, — не покой, — ответил Каэль. — Это сон. А сон хорош, пока не проснёшься.

Он повернулся к старухе:

— Послушайте. Эти люди запишут вашу память. Всю, до последнего вечера. И будут держать её, как залог. Скажете не то — и память подскажет вам, что вы «на самом деле» согласны. Разве вы этого хотите?

Старуха переводила взгляд с Каэля на молодого. Потом медленно высвободила руку.

— Я хочу, чтобы мне кланялись, — сказала она. — Но не за то, что у меня три кольца. А за то, что я тридцать лет хлеб пекла. Это, может, и не кольца, но тоже чего-то стоит.

«Исправители» ушли из деревни к вечеру — без злобы, без угроз, как уходят торговцы, у которых не купили в этот раз. Но Каэль знал: они вернутся. В другую деревню, в другой день, с тем же мягким голосом.

— Вот как он работает, — сказал он Лиар. — Не стенами. Уговорами. Он предлагает людям их же страх, только с другой стороны.

— Поэтому нам и нельзя уходить отсюда просто так, —

ответила Лиар. — Пока мы здесь, у них есть с кем спорить. А спор — это уже половина свободы.

ГЛАВА 25. МАЛЕНЬКАЯ ШКОЛА

Разговоры на площади аукнулись неожиданно: к гостевому двору стали приходить дети.

Сначала один мальчик, который спросил, правда ли, что на западе можно ходить в школу с одним кольцом. Потом девочка с платком, стянутым так туго, что не было видно запястья. Потом ещё трое, и ещё. Они не просили есть и не просили денег. Они просили, чтобы им рассказали, «как там, где можно выбирать».

— У нас нет школы, — сказал Каэлю смотритель, когда детей стало семеро. — В городе учат по направлениям, в назначенных домах. А эти… они не назначены. Они ждут, что их распределят, и боятся.

— Почему боятся?

— Потому что ждать — это всё, что им разрешили.

Тогда Каэль попросил у смотрителя позволения заниматься с детьми во дворе, после полудня, когда у двора мало народу. Смотритель долго смотрел на него, потом кивнул — неохотно, но кивнул.

Школа вышла не про числа и не про магию. Каэль учил детей тому, что умел сам: читать условия, точить ножи, считать брёвна на телегу, разбирать слова так, чтобы за ними было видно, кто их сказал и зачем. Лиар показывала им карты и рассказывала, что дорога на карте — это не приказ, а

память о том, где уже прошли люди, и что каждый имеет право провести свою линию.

— А если моя линия будет неправильной? — спросила девочка с тугим платком.

— Тогда ты её сотрёшь и проведёшь другую, — ответила Лиар. — Карта не наказывает за ошибки. Она просто показывает, где ты был.

На пятый день к двору подошли двое взрослых в серых накидках и долго стояли у входа, слушая, как дети спорят о том, куда течёт река, которой нет на городских картах. Они ничего не сказали и ушли.

— Нас заметили, — сказал Каэль.

— Пусть, — ответила Лиар. — Пусть сначала заметят, чему мы учим. Может, тогда им станет понятно, почему их собственные уроки не работают.

Вечером мальчик, который пришёл первым, сунул Каэлю в ладонь щепку, вырезанную в виде маленькой лодки.

— Это чтобы вы уплыли, если захотите, — прошептал он и убежал.

Каэль долго вертел лодку в руках. Она была кривой и не умела держаться на воде. Но он положил её в карман рядом с пластиной Сивы и подумал, что в этом городе даже подарки учат одному и тому же: некоторые вещи делают не для того, чтобы они работали, а для того, чтобы человек не разучился делать.

ГЛАВА 26. ПИСЬМА С ЗАПАДА

Письма привёз разносчик — старик на телеге, который ходил между Короной и западными селениями и брал за доставку хлебом. Он не входил в город, а ждал у внешней стены, где серебряные линии обрывались.

Первым Каэль развернул письмо Миры. Бумага пахла мятой и дымом очага. Мира писала, что лечебница держится, что Бран учит Нила не торопиться, а Эстера всё так же встаёт раньше всех. В конце стояла строчка, которую Каэль перечитал дважды: «Не путай одиночество с самостоятельностью. Ты можешь идти своим путём и всё равно позволять нам быть рядом».

Второе письмо было от Нериса. Почерк у него стал мельче и твёрже, как у человека, который пишет, пока не погасла свеча. В Кайре шли слушания: Мальвея дала показания и отдала ключи от закрытых комнат. Севран работал в мастерской и не просил снисхождения. Главный кристалл Зала Неподвижности треснул, и повторные измерения по всему королевству остановились — не по приказу, а потому, что камни перестали сходиться между собой.

Третье письмо было от Илана. Сорен остался в Кайре и помогал в архиве. Илан писал, что брат иногда называет его по имени, а иногда смотрит, как на незнакомца, но что он больше не пугается, когда память возвращается кусками. «Он сказал, что не хочет быть тем, кем был. Хочет быть тем, кто будет. Я решил, что это уже победа».

Каэль сложил письма вчетверо и спрятал во внутренний

карман, туда, где уже лежали письма Брана и Гарена — стопка, от которой сюртук всегда топорщился.

— Запад держится, — сказал он.

— Значит, можно думать не только о том, что перед носом, — ответила Лиар. — Можно поднимать голову.

Они стояли у внешней стены, и над ними висел незамкнутый круг — ровный, неподвижный, как обещание, которое никому не принадлежало. Где-то внизу, под мостовыми, лежал седьмой проход, и Каэль впервые почувствовал, что готов идти туда не как гость, а как тот, у кого есть письма, которые нужно пронести дальше.

— Начнём снизу, — сказал он.

Лиар кивнула.

— Снизу всегда виднее, где на самом деле проходит граница.

ЧАСТЬ III. ВОСЬМАЯ ПЛАСТИНА

ГЛАВА 27. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КОРОНУ

Вход в нижние залы они искали по пластине Сивы. Схема была неточной — линии обрывались, круги налезали друг на друга, — но одну подсказку она давала точно: седьмой проход начинался там, где под Вторым Кругом сходились две водосточные галереи.

Спуск нашёлся за старой кузницей, в которой уже много лет никто не работал. Решётка над лазом была присыпана золой, но не заварена: город не запирал нижние ходы, потому что не верил, что кто-то захочет спуститься.

— Люди здесь перестали смотреть вниз, — сказала Лиар, зажигая фонарь. — Внизу — темнота, а темнота не входит в расписание.

Лестница была каменной, стёртой посередине — по ней когда-то ходили часто. Воздух внизу оказался сухим и тёплым, и пахло не плесенью, а чем-то вроде нагретого металла и старого воска.

Они шли по галерее, пока не упёрлись в круглую дверь без ручки. На двери были вырезаны девять углублений — как те, что они видели во внешнем проходе Короны, когда входили в город.

— Опять девять, — сказал Каэль.

— И опять три выбора, — отозвалась Лиар. — Войти. Оставить снаружи то, что считаешь своим. Признать, что не знаешь, что найдёшь.

Каэль положил ладонь на камень.

— Я хочу увидеть, что город прячет под собой, — сказал он. — И я не знаю, что найду.

Дверь не шелохнулась. Лиар тронула его за плечо.

— Этого мало, — сказала она. — Прошлый раз дверь открылась, когда ты отвечал, зачем идёшь, и не боялся признать цену. Попробуй ещё раз. Только честнее.

Каэль закрыл глаза. За закрытыми веками всплыли лица: мальчик с горшочком, девочка у треснувшего кристалла, мужчина, искавший сына, дети, которые боялись провести свою линию на карте.

— Я иду вниз, чтобы вернуть наверх то, что у людей забрали, — произнёс он. — Я не хозяин этого места. Я только тот, кто пришёл.

Камень под ладонью потеплел. Дверь медленно, без скрипа, ушла в стену.

[Вход в нижний зал.]

[Требуется уважение к отказам.]

[Статус: открыт.]

ГЛАВА 28. ЗАЛ СВИДЕТЕЛЬСТВ

За дверью оказался зал, которого не было ни на одной карте города: длинный, со сводом, уходившим в темноту, и стенами, сплошь покрытыми полками. На полках лежали пластины — тысячи, десятки тысяч, — и каждая была размером с ладонь.

— Это не зал свидетельств, — прошептала Лиар, поднимая фонарь. — Это хранилище. Здесь лежат записи.

Каэль взял ближайшую пластину. На ней были выцарапаны две строки: имя — «Орда», и короткая запись: «Согласие на передачу навыка кузнечного дела. Срок: одна зима. Право выхода: сохранено».

— Настоящая запись, — сказала Лиар. — С границами. Такие мы восстанавливали в верхнем зале.

Она прошла вдоль полок. Свет фонаря выхватывал из темноты ряды имён, и Каэль заметил, что на некоторых пластинах границы были перечёркнуты — одной грубой линией, как будто кто-то не просто отменял условие, а вычёрки-

вал его из памяти камня.

— Смотри, — тихо позвал он. — Здесь то же самое, что в поселениях. «Временно» зачёркнуто. Сверху — «постоянно».

— Палата крала границы, — кивнула Лиар. — Астор не придумал это. Он только довёл до конца то, чему научился у старого порядка: сначала забирают срок, потом право выхода, потом имя.

Они шли по залу, и пластин становилось всё больше. В дальнем конце полки обрывались, и начиналась стена, в которую были вделаны семь ниш — по одной на каждый из нижних проходов. Шесть были пусты. В седьмой, самой дальней, что-то слабо светилось.

— Седьмой проход, — сказал Каэль.

— Да. И то, что он светится, мне не нравится, — ответила Лиар. — В хранилище отказов свет не должен гореть сам по себе.

ГЛАВА 29. ИМЯ БЕЗ ПОДПИСИ

Они не стали спускаться в седьмой проход в ту же ночь. Сначала Каэль хотел понять, что за зал они нашли и кто поддерживает в нём свет.

Ответ пришёл оттуда, откуда они не ждали: от верхнего зала, где они когда-то восстанавливали записи. Когда они поднялись туда на следующий вечер, семь пластин, которые они вернули к жизни, светились ровно и мягко, а восьмая — та самая, что осталась тёмной, — лежала на камне, и вокруг

неё дрожало слабое красноватое сияние.

— Она изменилась, — сказал Каэль.

— Нет, — ответила Лиар, наклоняясь. — Это не она изменилась. Это к ней что-то пришло.

На пластине по-прежнему не было подписи — только имя, вырезанное старым, почти стёршимся резцом: «Альма». И знак незамкнутого круга, который Каэль уже научился узнавать.

— Альма, — медленно произнёс он. — Мы искали это имя в городских книгах. Его нигде нет.

— Потому что имя, вычеркнутое из списков, перестаёт существовать для тех, кто верит спискам, — сказала Лиар. — Но камень помнит. Камень хранит его здесь, в восьмой строке.

Каэль коснулся пластины. Красноватое сияние дрогнуло, как огонь под сквозняком, и на мгновение ему показалось, что он слышит голос — не слова, а интонацию, усталую и далёкую, как эхо в пустом колодце.

— Что она здесь делает, среди записей о передаче навыков и зимних сроках? — спросил он.

Лиар долго смотрела на знак.

— Возможно, она и есть первая запись, — сказала она наконец. — Только записано в ней не согласие.

— А что?

— Отказ. И кто-то перечеркнул его так старательно, что осталось только имя.

ГЛАВА 30. СЛЕД АСТОРА

Осколок на груди Каэля потеплел, когда он прижал пластину Альмы к ладони. Так он отзывался на вещи, связанные с узлами и старыми контурами, но сейчас тепло было другим — неровным, с перебоями, как чужое сердцебиение.

[Обнаружен след первого носителя.]

[Характер записи: подмена.]

[Источник подмены: второй носитель.]

[Время записи: до завершения личного контура.]

Каэль передал пластину Лиар.

— Её переписали. Давно. Ещё до того, как Астор закончил свой контур. И переписал именно он.

— Значит, это не Палата, — сказала Лиар. — Это его работа, с самого начала.

Они сели у каменного парапета, и Лиар, держа пластину на коленях, рассказала то, что знала из архивов и того, что видела сама. Подмена согласия не бывает случайной. Это медленная работа: найти запись, понять, чего именно человек не хотел, а потом переписать отказ так, чтобы он выглядел как согласие, данное по другой причине.

— Если человек отказался от связи, потому что боялся за память, ему записывают согласие на связь, «ограниченную и безопасную». Если он отказался, потому что не доверял Палате, ему записывают согласие «на проверку с правом выхода». Каждый раз — почти правда. Каждый раз — ложь в границе.

— И эту пластину переписали первой? — спросил Каэль.

— Похоже. Она лежит восьмой, но след на ней старше остальных. Как будто с неё начался весь порядок.

Каэль долго смотрел на имя, вырезанное старым резцом.

— Тогда она — не просто запись. Она — первый камень в стене Единого Пути. Если мы поймём, что здесь было до подмены, мы поймём, как разобрать всю стену.

Лиар кивнула и убрала пластину в сумку, к другим находкам.

— Осталось понять, кто такая Альма. И почему Астор хранит её имя так близко к себе.

ГЛАВА 31. АЛЬМА

Женщину со шрамом они нашли у внешней стены, на том же месте, где видели в первый раз. Она стояла в тени арки и смотрела на дорогу, по которой в город всё так же ровно текли люди.

Каэль не стал подходить сразу. Он встал в нескольких шагах и сказал негромко:

— Мы нашли пластину. На ней имя — Альма.

Женщина не обернулась. Только рука, лежавшая на каменном выступе, медленно сжалась в кулак.

— Где? — спросила она через силу.

— В зале записей. Восьмая пластина. Без подписи. Со знаком незамкнутого круга.

Она долго молчала. Люди шли мимо, не поднимая глаз, и их шаги звучали ровно, как дождь по крыше.

— Вы принесли её сюда? — спросила она наконец.

— Нет. Мы не знали, можно ли.

— Можно. Она моя. Точнее, была моей, пока кто-то не решил, что знает лучше меня, чего я хотела.

Она повернулась. При дневном свете шрам казался глубже, а глаза — светлее, почти бесцветными, как вода над песком.

— Меня зовут Альма, — сказала она. — И я не должна была дожить до этого разговора.

Они сели на каменную скамью у стены, и Альма рассказала всё. Не сразу, не по порядку — как рассказывают те, кто слишком долго молчал: возвращаясь, перескакивая, замолкая на полуслове, будто слова тоже нужно было учить заново.

— Я была на восточной станции, когда рванул канал, — начала она. — Мой отец подключился к сети одним из первых. Он верил, что общая память спасёт людей от одиночества. А когда канал рванул, он не смог выйти. Я тянула его. Вот отсюда, — она тронула шрам у губ, — меня достало огнём.

— Он выжил? — спросил Каэль.

— Нет. Память его осталась в сети, а сам он умер, не узнав меня. Мать умерла через месяц. Остались мы с братом. Мой младший брат.

Она посмотрела на незамкнутый круг над городом.

— Ты его знаешь, — сказала она. — Ты разговаривал с ним у Второго Круга.

ГЛАВА 32. РАЗГОВОР У КОЛОДЦА

Они снова встретились у колодца — не сговариваясь, как встречаются люди, которым не нужно назначать место.

Альма набирала воду. Каэль подошёл, взял второе ведро, и они вместе вытянули его наверх — без слов, слаженно, как делают это люди, выросшие в одной деревне, а не враги, встретившиеся у чужих ворот.

— Почему ты всё время здесь? — спросил Каэль, ставя ведро на сруб. — У стены, у ворот, у колодца. Ты как будто сторожишь город снаружи, а не живёшь в нём.

— Я и не живу, — ответила Альма. — Я стою. Это разные вещи. Жить — значит пускать корни. А я все эти годы не пускала. Боялась, что корни переплетутся с его порядком, и я перестану отличать, где моя воля, а где — его линии.

Она зачерпнула ковшом, отпила и протянула ковш Каэлю.

— Вода здесь вкусная. Холодная. Одна из немногих вещей в этом городе, которые не подделали.

Каэль отпил. Вода действительно была холодной и чистой — с тем особым вкусом глубины, какой бывает только у колодцев, вырытых давно и глубоко.

— Ты боишься, что он тебя найдёт, — сказал он. — Но ведь ты сама стоишь у его ворот.

— Я боюсь не того, что он найдёт меня, — ответила Альма. — Я боюсь, что найду его — и не узнаю. Что от моего брата остался только человек в сером плаще, который говорит ровным голосом и никого не слышит. Знаешь, как страшно

смотреть на родное лицо и видеть вместо него порядок?

— Знаю, — тихо сказал Каэль. — Я смотрел на своего отца — в записи, в камне. И понял, что запись — не он. Что от него осталось другое.

— Что?

— То, что он делал руками. Дом, в котором пахло стружкой. Слова, которые он говорил, не думая, что их запомнят. Люди, которых он пускал переночевать, не спрашивая, кто они.

Альма долго молчала, глядя в тёмную воду колодца.

— А что оставил мой брат? — спросила она наконец. — Кроме города, в котором не спрашивают?

— Пока не знаю, — честно ответил Каэль. — Может быть, поэтому мы и здесь. Чтобы узнать, осталось ли в нём что-то, что он делал не по расчёту, а по любви.

Альма взяла ведро и пошла вдоль стены — не прощаясь, как уходила всегда. Но на углу обернулась.

— Если найдёшь это, — сказала она, — не говори ему. Покажи. Он словам не верит. Он верит только тому, что можно потрогать.

И скрылась за поворотом, оставив Каэля у колодца, в котором отражались девять дуг разомкнутого круга — и ни одна не смыкалась.

ГЛАВА 33. ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПОДМЕНЫ

Солнце село за стену, и город зажёг свои ровные, бесстрастные линии. Альма рассказывала, глядя перед собой, и

голос её был тихим, как будто каждое слово стоило ей выдоха.

— После гибели отца Астор собрал выживших. Тех, кто потерял близких в разрыве. Он предложил им соединиться — не так, как было на станции, а по-новому: распределить боль, страх, память, чтобы никто не оставался один. Люди соглашались. Им было невыносимо поодиночке, и он давал им общее тепло.

— А ты? — спросила Лиар.

— Я отказалась. Я видела, чем кончилась сеть. Я не хотела, чтобы мою память кто-то держал, даже из любви. Я сказала «нет» — и ушла к восточной дороге, чтобы жить самой.

Альма помолчала, потом усмехнулась — невесело, одними губами.

— Только мой отказ не остался моим. Астор записал его. Переписал. В его книге я согласилась — «ради памяти отца», «ради общего покоя». Он сделал из моего «нет» пример для остальных: смотрите, даже сестра, которая потеряла больше всех, выбрала Путь.

— Зачем? — спросил Каэль.

— Он сказал потом — в единственном разговоре, который у нас был: «Ты не понимаешь. Если самый близкий человек отказывается, люди решат, что отказ возможен. А отказ для них — смерть. Они разбредутся и погибнут». Он верил. Он правда верил, что спасает их от меня.

— А что было потом?

— Потом случился пожар на западном складе станции. Я была там. Меня сочли погибшей. Я не стала его разубеждать. Я ушла сюда, к Тихой Короне, и стала той, кто стоит у ворот и смотрит, кто входит и кто возвращается. Он думает, что я умерла.

Альма повернула к ним лицо, и Каэль увидел в её глазах то, что видел у очень немногих людей: не страх и не надежду, а долгую, высчитанную усталость человека, который несёт правду в одиночку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.